

© 2001 г.

ПАМЯТИ Е.С. БОГОСЛОВСКОГО

21 августа 2001 г. исполнилось бы 60 лет Евгению Степановичу Богословскому, одному из крупнейших египтологов. Е.С. Богословский родился в Новокузнецке. Интерес к истории и культуре древнего Египта пробудился у него довольно рано, и будучи еще студентом первого курса исторического факультета Пермского университета, он обратился в редакцию «Вестника древней истории» к Н.М. Постовской, возглавлявшей тогда отдел истории древнего Востока журнала. Талантливый редактор, постоянно искавшая молодые кадры, она направила его к М.Э. Матье, чьим учеником он и становится. Милица Эдвиновна сыграла в судьбе Евгения Степановича важную роль – прирожденный педагог, она помогла юному студенту развить в себе качества, необходимые исследователю. Все годы учебы он вел переписку с М.Э. Матье и Н.М. Постовской, поддерживавшими и консультировавшими его. Затем – аспирантура в Эрмитаже, где М.Э. Матье стала его руководителем. Но вскоре М.Э. Матье умерла, и руководство ее аспирантом взял на себя Б.Б. Пиотровский. Годы, проведенные в Эрмитаже, сформировали основные черты дарования молодого ученого. Любовь к памятникам, доскональное знание предмета, предельная тщательность в исследовании не только текста, но и структуры, его несущей – подобная школа могла появиться только в среде музейных работников.

Однако наука академическая привлекала его все же больше, и с 1968 г. он становится сотрудником Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, где и прошли все его, к сожалению, недолгие годы творчества. В институте он обрел идеальную академическую атмосферу, там же он нашел и второго своего учителя – Ю.Я. Перепёлкина. Юрий Яковлевич привил своему ученику научную основательность, трезвый взгляд на источники, умение на основании мельчайших незаметных деталей делать серьезные вы-

воды. Все эти качества были в высшей степени присущи самому Юрию Яковлевичу, и порой на страницах работ его ученика мы как бы встречаемся с самим учителем. Вместе с тем в своих трудах Евгений Степанович очень индивидуален, его стиль отличают лаконизм, строгость и некоторая сухость, за которыми стоят редкостные знания – автор уверен в каждом своем слове и может подтвердить его свидетельствами памятников. А к памятникам он умел подходить очень интересно, комплексно, извлекая из них максимум информации.

Всю свою научную жизнь Е.С. Богословский посвятил исследованию социально-экономического устройства Египта эпохи Нового царства. Важнейшим источником для него служили материалы поселка и гробниц работников фиванского некрополя в Дейр эль-Медине, дающие уникальную возможность очень полно и разносторонне проследить на протяжении многих поколений историю небольшой, но очень показательной группы египтян, занятых в материальном производстве. Изучение Дейр эль-Медины – занятие очень специфическое, и если говорить о «дейр-эль-мединистике» как о самостоятельной дисциплине в рамках египтологии, то в ней Евгений Степанович был одной из крупнейших фигур. Его неоспоримые заслуги в этой области были признаны учеными всего мира, относившимися к нему с глубоким уважением и почтением; будучи исследователем очень русским, он принадлежал египтологии всемирной.

Во второй половине 60-х годов выходят в свет первые, преимущественно публикационные статьи Е.С. Богословского. Затем в 1972–1973 гг. на страницах ВДИ стараниями Н.М. Постовской, по-прежнему принимавшей большое участие в судьбе молодого ученого, появляется ряд статей под общим названием «Памятники и документы из Дейр эль-Медина, хранящиеся в музеях СССР». Это разделенная на части большая монография – первый свод соответствующих памятников, снабженный тщательным и подробным комментарием.

Тогда же (в 1972 г.) была завершена его первая книга (представляющая собой переработанный вариант защищенной в 1968 г. кандидатской диссертации), опубликованная лишь в 1979 г., – «Слуги фараонов, богов и частных лиц». Она посвящена понятию «послушный призыву», встречающемуся особенно часто в правление XVIII династии. Подобного рода терминологические исследования широко распространены и ныне представляются наиболее перспективными в египтологии, но, к сожалению, зачастую они остаются сугубо формальными, сводящимися лишь к непосредственному анализу источников и не касающимися стоящей за ними реальности. Исследование Е.С. Богословского в этом смысле выгодно от них отличается. Собрав все имеющиеся материалы и тщательно их изучив, он не только установил, что термин «послушный призыву» не является социально-экономическим по содержанию, но и пришел к выводам гораздо более общего порядка. Ему удалось показать, что вопреки распространенному мнению о том, будто «послушные призыву» являются группой работников фиванского некрополя, это обозначение распространялось на представителей разных слоев египетского общества, «прилагалось и к рабам – и к работодателям, и к вельможам – и к работавшим на них людям», а значит, оно не находит никаких соответствий в наших терминологических системах и отражает «неопределенность расплывчатость социального мышления египтян того времени» (с. 146). Свой главный вывод автор сформулировал следующим образом: «Вероятно, напрасно искать в египетском языке такую социальную терминологию, которую можно было бы просто переложить на привычные нам понятия. Любые такие попытки не объясняют истинную природу египетского общества, создавая иллюзию не существовавшей в действительности стройной общественной системы. Насколько я понимаю, египтяне по уровню общественного самосознания и по строю мышления не могли охватить всю социально-экономическую структуру общества в целом, а тем более – ее механику развития. Эта задача современного исследователя, и успешно она может быть разрешена только в том случае, если такой исследователь окажется в состоянии отвлечься от того, что известно об общественном устройстве других стран, и сможет понять древнеегипетское общество изнутри, уяснив и осмыслив его особенности, возможности и способы его отражения в сознании самых древних египтян» (с. 147). Это заявление послужило программой всей дальнейшей деятельности Е.С. Богословского, которой он придерживался неукоснительно.

Главным трудом его жизни стала книга «Древнеегипетские мастера» (1983), защищенная в 1986 г. как докторская диссертация. Евгений Степанович всегда был сторонником тотального учета памятников, и это позволило ему создать работу, во многих отношениях неповторимую. Это всестороннее исследование жизни поселка в Дейр эль-Медине основано на полной росписи источников, что качественно отличает его от всех предшествующих работ на аналогичные темы. На Западе проекты таких масштабов сейчас осуществляют

целые коллективы, использующие компьютеры, здесь же грандиозная работа была осуществлена одним человеком, единственным инструментом которого была созданная им самим картотека, учитывающая многие десятки тысяч памятников. В деталях эта книга может быть дополнена, ибо, возможно, появятся новые источники, однако в целом она уже навсегда останется той основой, от которой неизбежно будут отталкиваться новые исследователи эпохи. Невозможно даже перечислить поднятые и разрешенные в книге проблемы, которые чрезвычайно разнообразны – от степени осознания египетским художником своего авторства до соотношения должностного владения и собственности в Новом царстве. Нельзя, однако, не отметить того, что в результате предпринятого исследования впервые более или менее четко обозначилась система организации новоегипетского общества и ее отличия от систем Старого и Среднего царств.

Последняя книга Евгения Степановича, которая еще ждет издания, – «Новые источники по истории древнего Египта XV–X вв. до н.э.» – несомненно займет особое место в его научном наследии. Говорить о ней пока рано, ибо она знакома лишь нескольким коллегам, прочитавшим рукопись, но и не сказать о ней нельзя. Очень трудно определить ее жанр – это комментированная публикация памятников, хранящихся во многих музеях мира, но вместе с тем это и нечто гораздо большее, чем просто публикация. Памятники подобраны с глубоким, но на первый взгляд не вполне очевидным смыслом, а комментарий, основанный в значительной мере на данных просопографии, позволяет проследить историю ряда семейств из Дейр эль-Медины на протяжении трех-пяти поколений. В результате, когда книга прочитана, читатель с удивлением обнаруживает, что фрагмент древнеегипетской действительности, ограниченный десятком километров и несколькими веками, стал ему гораздо ближе, ожил, потерял безликость, характерную для источников, на которых построено исследование. Евгений Степанович подошел к порогу нового синтеза, и его последняя книга ярко свидетельствует об этом. Если бы все его оригинальные мысли легли на бумагу, мы получили бы превосходную картину жизни Египта Нового царства. К сожалению, этому не суждено было осуществиться.

Е.С. Богословский ушел в расцвете таланта. Его перу принадлежат четыре монографии (одна в приложениях ВДИ) и около шестидесяти статей. Его отличало непрерывное стремление к истине и готовность платить за нее самую дорогую цену; у него было глубокое личное отношение к науке, так что малейшая ошибка или хотя бы неточность коллеги воспринималась им очень болезненно.

Через всю свою жизнь он пронес преданность своим учителям и, уже будучи смертельно больным и зная об этом, надолго отложил в сторону свои собственные работы, чтобы подготовить к печати труды Ю.Я. Перепёлкина – две книги: «Переворот Амен-Хотпа IV» (вторая часть) и незавершенная «Хозяйство староегипетских вельмож» вышли в свет только благодаря его самоотверженной работе. Ю.Я. Перепёлкин, обладавший уникальной памятью и эрудицией, оформлял ссыльный аппарат и комментарий только при подготовке к печати. Е.С. Богословский был вынужден определять источники и комментировать памятники совершенно незнакомого ему периода. Эта предсмертная работа Евгения Степановича – настоящий подвиг любви и верности своему учителю. Были опубликованы и рефераты работ Ю.Я. Перепёлкина в зарубежных изданиях.

Евгений Степанович был человеком в высшей степени принципиальным и порядочным – и в науке, и в политических убеждениях, и в человеческих взаимоотношениях. Он был также замечательным товарищем, на которого всегда можно было положиться.

21 июля 1990 г. в возрасте 48 лет Евгений Степанович умер. Последнее десятилетие он мужественно боролся с неизлечимой болезнью, отнимавшей остатки сил, и все же именно в эти годы были созданы его наиболее значительные работы, уже ставшие классикой отечественной египтологии. Его старые товарищи до сих пор вспоминают о нем с печалью и любовью.